

Из-за остекленевшего взгляда Цзи Чэна съёмка застопорилась. Завидев Лу Цзюньсяня, Юй Цзыцюнь едва не взмолился от радости: тратить время на бессмысленные разъяснения парню больше не хотелось — тот казался абсолютно непробиваемым.

Решив пока снять другие сцены, режиссёр отправил Цзи Чэна в сторону — перевести дух и пораскинуть мозгами.

Когда Юй Цзыцюнь в отчаянии орал на всю площадку, Цзи Чэн, несмотря на толпу глазееющих вокруг, сохранял каменное выражение лица и молча уходил в себя. Но теперь, под взглядом Лу Цзюньсяня, ему стало нестерпимо стыдно. Шагая к зоне отдыха, он чувствовал, как уши заливают жгучая краска.

Усевшись на раскладной табурет, Цзи Чэн угрюмо молчал.

Лу Цзюньсянь подошёл к нему, ведя на поводке Маомао, сел рядом и мягко погладил парня по макушке:

— Ничего страшного. Расслабься, не нервничай. Режиссёр слишком суров, да?

Ощущая тепло его ладони, Цзи Чэн покачал головой, мысленно возражая: «Нервируешь меня только ты, а Юй Цзыцюнь — так, мелочи».

День выдался прохладным. Видя, что парень отмалчивается, Лу Цзюньсянь вложил ему в руку поводок и пошёл за горячей водой.

Вернувшись с двумя стаканами, он застал трогательную картину: Цзи Чэн сидел на табурете, уткнувшись лицом в пушистую макушку Маомао. Пёс, разумеется, был на седьмом небе от счастья.

Лу Цзюньсянь не удержался от улыбки: до чего же гармонично они смотрелись.

— Выпей горячего. Зябнешь? — Он опустил на табурет и протянул стакан.

Цзи Чэн выпустил пса, качнул головой и принял воду:

— Спасибо.

— Ты ведь вчера уверял, что справишься? Постеснялся попросить, чтобы я с тобой позанимался? — улыбнулся Лу Цзюньсянь.

Раскушенный с полуслова, Цзи Чэн смутился. Не подтверждая, но и не отрицая его догадку, он

лишь пробормотал:

— Я думал, это просто.

— Так и есть. Всего лишь поцелуй в щёку.

Цзи Чэн смолчал. «Вовсе не просто...»

— В чём же загвоздка? Давай порассуждаем вместе, может, что и придумаем?

Уши Цзи Чэна вспыхнули ещё ярче. Он судорожно подул на кипяток, пытаясь спрятаться за поднимающимся паром, который едва не ослепил его, и замялся:

— Губы... не поднимаются.

Лу Цзюньсянь едва удержался от смеха. Помятуя слова режиссёра об остекленевшем взгляде, он уточнил:

— Сколько дублей вы сделали?

— Семь или восемь.

— И ни в одном не поцеловал?

— По... целовал...

«Актриса, небось, уже решила, что он к ней пристаёт?» — подумал Лу Цзюньсянь.

Он умолк, а Цзи Чэн, чуя неладное, тревожно погладил Маомао. Пёс с готовностью прижался к нему, повиливая хвостом.

— Ты же сказал, что губы не поднимаются? — изумился Лу Цзюньсянь.

Цзи Чэн с силой погладил пса по шерсти:

— Сниматься-то надо... Я пересилил себя. Едва коснулся, но режиссёра не устроило.

Лу Цзюньсянь никак не мог вообразить описанную картину, поэтому повёл парня к мониторам Юй Цзыцюня — посмотреть отснятый материал.

На экране Младший принц, бодрый и лучезарный, входил в комнату. За столом, сладко всхлипывая во сне, спала Младшая уездная принцесса.

По сюжету они были тайно влюблены друг в друга, и Император даже собирался сосватать их по возвращении во дворец. Увидев спящую девушку, Младший принц испытывал нежность и трепет: долго смотрел на неё, а затем, поддавшись импульсу, решил украдкой поцеловать в щёку. В его взгляде должны были читаться любовь, лёгкая робость и мальчишеское озорство.

До момента поцелуя Цзи Чэн отыгрывал идеально. Но стоило ему наклониться, как мимика словно отключилась: на лице застыло ледяное равнодушие, а в глазах прочлось искреннее отвращение.

Лу Цзюньсянь перевёл взгляд с экрана на стоящего рядом парня. Цзи Чэн, считавший до этого свою игру вполне естественной, сгорел от стыда и уткнулся взглядом в землю.

Юй Цзыцзюнь, заметив их, сокрушённо замахал руками:

— Всё-всё, идите тренируйтесь! Ужас какой-то... Найди кого-нибудь и потренируйся, поцеловать в щёку — что в этом сложного? Это просто работа, твоих настоящих чувств тут нет, нечего стесняться!

Желая показать пример, режиссёр огляделся. Рядом сидел Мэн Гэ с блокнотом. Избегая лишних слухов, Юй Цзыцзюнь миновал его взглядом, цапнул за плечо исполнительного директора и сочно впечатал поцелуй тому в щёку.

— Видал? Актерство — это искусство. Иногда приходится жертвовать собой ради дела. Мы же не требуем невозможного, но в щёку-то ткнуться — раз плюнуть!

Пока режиссёр читал нотации, он и не заметил, как потемнел взгляд Мэн Гэ за его спиной, а «жертва искусства» состряпала тошнотворную гримасу.

Цзи Чэн, решив, что Юй Цзыцзюнь ради дела готов на всё — даже поцеловать другого мужчину при собственном парне, — ошеломлённо кивнул.

— Иди-иди, тренируйся на ком-нибудь!

Лу Цзюньсянь увёл Цзи Чэна обратно в зону отдыха, и они снова уселись на раскладные табуреты.

— Хочешь, я помогу тебе потренироваться? — предложил Лу Цзюньсянь, глядя Маомао. — Главное — отрепетировать выражение лица и взгляд.

Цзи Чэн вздрогнул. Уши его налились пунцовым цветом, он затряс головой:

— Нет-нет-нет! Только взгляд! Целоваться не надо!

Лу Цзюньсянь от неожиданности замер, а потом не выдержал и расхохотался.

— Ты о чём подумал? Я же просто предлагаю позаниматься, а не целовать меня. Неужели так испугался?

«Неужели это та самая легендарная паника гетеросексуала?» — мелькнуло у него в голове.

Цзи Чэн, решивший было, что продюсер предлагает свои губы, сгорел от неловкости. Опустив голову, он тихо пробормотал:

— Не испугался... И совсем я тобой не брезгую.

— Ладно тебе, я же пошутил, — всё ещё смеясь, ответил Лу Цзюньсянь. — Поищи предмет для тренировки.

Он огляделся. Понятно, что такой чистый и стыдливый парень не станет приставать к незнакомцам на площадке, как советует режиссёр. Ему и с чужими людьми общаться нелегко, какая уж тут тренировка.

Подумав, Лу Цзюньсянь протянул ему свою тыльную сторону ладони:

— Одолжить тебе руку?

Цзи Чэн уставился на протянутую кисть. Краска с ушей не сходила, сердце заколотилось как сумасшедшее.

Его руки задрожали. Он осторожно поднял их, касаясь длинных изящных пальцев Лу Цзюньсяня, и на мгновение в голове образовалась полная пустота.

— Всё в порядке, это просто рука, не бери в голову.

От этих слов Цзи Чэн задрожал ещё сильнее. Как это — «просто рука»?! Это рука его божества, его кумира, автора его любимых книг!

Встретившись с мягким, естественным взглядом Лу Цзюньсяня, Цзи Чэн ощутил мощный толчок в груди и резко отдёрнул пальцы.

— Я... — Он вытер вспотевшие ладони о костюм, нервно сгрёб Маомао и прижал его к себе: — Я поцелую Маомао.

С этими словами Цзи Чэн склонил голову и с нежной застенчивостью ткнулся губами в пушистый лоб пса.

Лу Цзюньсянь лишился дара речи.

Врач-ветеринар, ничего не скажешь! Щека партнёрши не выдерживает сравнения с собачьим лбом, да и его собственная рука проиграла псу по всем статьям.

С улыбкой убрав руку, Лу Цзюньсянь лишний раз убедился: Цзи Чэн — стопроцентный гетеросексуал. Обычную мужскую руку в качестве реквизита воспринимает как нечто ужасающее.

— И ты этими губами, которыми только что целовал собаку, соберешься целовать партнёршу?
— с улыбкой спросил Лу Цзюньсянь, подперев подбородок рукой.

Цзи Чэн замер. Идея и впрямь была скверной. Неловко остановившись, он взялся за стакан с горячей водой, намереваясь «пополоскать» губы.

Лу Цзюньсянь снова рассмеялся и протянул ему бумажную салфетку.

Цзи Чэн смочил салфетку водой и принялся усердно вытирать рот. Целовать партнёршу ему не хотелось, но поступать так с девушкой было неуважительно — нужно всё тщательно очистить.

Протерев губы несколько раз, парень взглянул на Лу Цзюньсяня:

— Шерсти нет?

— Нет, теперь всё чисто, — ухмыльнулся тот.

Цзи Чэн кивнул. Затем бросил беглый взгляд на руку Лу Цзюньсяня, покраснел, словно маков цвет, и обхватил собственную левую кисть правой рукой.

— Поцелую себя.

И с величайшей нежностью во взгляде прижался губами к тыльной стороне собственной ладони.

Лу Цзюньсянь наблюдал за тем, как парень перед ним идеальнейшим образом, без единого

изъяна отыгрывает ту самую сцену...

— Смотри, отлично же получается! Почему с партнёршей так не выходит? Внутренний барьер?

Цзи Чэн посмотрел на свою руку, чувствуя себя полнейшим дураком:

— Я ни с кем не целовался. Боялся не рассчитать силу и обидеть девушку. Всё думал: надо полегче, едва коснуться, главное — не переборщить. За этими мыслями совершенно забыл контролировать лицо.

Раз это не его девушка, переходить границы он считал недопустимым.

Он говорил спокойно, рассматривая тыльную сторону ладони, а потом снова ткнулся в неё губами. С собой проще — себе вреда не причинишь.

— Цзи Чэн, это всего лишь съёмки, — мягко вздохнул Лу Цзюньсянь и погладил его по голове. Всё-таки он был очень чутким и добрым парнем.

— Вообще-то... давай заглянем с другой стороны, — решил подбодрить его Лу Цзюньсянь. — Ты ведь её кожи даже не касаешься.

Цзи Чэн удивлённо уставился на него.

— Перед кадром актёрам наносят грим, верно?

Парень кивнул.

— Девушкам наносят куда больше косметики, чем парням. На её лице толстый слой пудры и тонального крема. Так что твои губы касаются только грима, а не самой кожи. Это не считается настоящим поцелуем.

Цзи Чэн замер: перед ним будто открылся новый мир. Звучало чертовски убедительно!

Видя, что парень проглотил наманку, Лу Цзюньсянь велел ему подождать и сбегал за вещью. Вскоре он вернулся, достал из кармана гигиеническую помаду и опустился на табурет. Зимой губы сохли мгновенно, благо он захватил бальзам с собой.

— Намажу тебя бальзамом. Тогда твоя помада коснётся её пудры — и уж точно никакого поцелуя не будет.

Цзи Чэн ошеломлённо смолчал: «А ведь логично...»

Они уселись друг напротив друга, и Лу Цзюньсянь аккуратно, слой за слоем, нанёс бальзам на его губы.

Когда помада подсохла, они вернулись на площадку. Перед началом съёмки Лу Цзюньсянь лукаво шепнул:

— Лучшеними всё с первого дубля. Если увлечёшься дублями, бальзам и пудра сотрутся, и поцелуй станет самым что ни на есть настоящим!

Цзи Чэн поверил беспрекословно. Под пристальным взглядом Лу Цзюньсяня он собрался и выдал безупречный дубль с первой же попытки!

Глядя на него, Лу Цзюньсянь расплылся в довольной улыбке. На самом деле Цзи Чэна было совсем не трудно направить — главное, понять, как устроены тараканы в его голове, и тогда всё встанет на свои места.

<http://bllate.org/book/20688/2162184>